

PROBLEMS OF STUDYING BYRON'S INFLUENCE ON PUSHKIN'S WORKS

Khamrayeva Dilafruz Juraevna

Lecturer at the Department of Russian Language and Literature of Karshi State University, Uzbekistan.

ANNOTATION

This article deals with the influence of Byron's work on the poetry of the great classic of Russian literature A.S. Pushkin.

KEYWORDS: *Byron, A.S. Pushkin, Byron's poetry, the flowering of romanticism, freedom-loving motifs, romantic symbols.*

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЛИЯНИЯ БАЙРОНА НА ТВОРЧЕСТВО ПУШКИНА

*Хамраева Дилафруз Джурсаевна
Преподаватель кафедры Русского
языка и литературы Каршинского
государственного университета.
Узбекистан.*

Аннотация

В данной статье идет речь о влиянии творчества Байрона на творчество поэзию великого классика русской литературы А.С.Пушкина.

Ключевые слова: *Байрон, А.С. Пушкин, байроновская поэзия, расцвет романтизма, вольнолюбивые мотивы, романтические символы.*

Велика роль английской литературы в развитии мировой литературы. Влияние западной литературы было особенно велико в творчестве представителей русской классической литературы.

Поэзия Байрона вызывала в то время большой интерес на Западе. Многие художники слов также подражали поэзии Байрона.

Справедливо будет сказать, что поэзия Байрона внесла значительный вклад в творчество великого русского поэта А. С. Пушкина.

Сведения о Байроне начали проникать в Россию вскоре после выхода I-II песней «Чайльд-Гарольда» и трех «восточных» поэм («Гяур», «Абидосская невеста», «Корсар»). Уже в письме С.С. Уварова к В.А. Жуковскому от 20 декабря 1814 говорилось, что поэтов «теперь у англичан только два: Walter Scott и Lord

Вугон»[1]. Широкое знакомство в России с поэзией Байрона началось через посредство французских переводов, публиковавшихся в 1817–1819 в женевском журнале «Bibliothèque universelle» (Универсальная библиотека). Особо важную роль в приобщении русских читателей к творчеству Байрона играло предпринятое французским литератором Амедем Пишо (1796–1877) многотомное собрание прозаических переводов.

В 1819 близкие и хорошие знакомые Пушкина: Жуковский, А. И. Тургенев, П. А. Вяземский, Козлов, возможно, К. Н. Батюшков — все с упоением читают Байрона и обмениваются восторженными впечатлениями. С этого же времени в русской печати начинается поток переводов из Байрона, суждений и отзывов иностранных и отечественных авторов о его произведениях и о нем как поэте и как человеке, заметок биографического содержания из европейской прессы.

«Байрон, — писал один из рецензентов «Полтавы», — чувствуя потребность своего века, заговорил языком, близким к сердцу сынов девятнадцатого столетия и представил образцы и характеры, которых жаждала душа, принимавшая участие в ужасных переворотах, потрясших человечество в последнее время. Байрон сделался представителем духа нашего времени. Постигая совершенно потребности своих современников, он создал новый язык для выражения новых форм» [2]. В художественной манере Байрона, нарушавшей все классические каноны жанра поэмы, русские поэты увидели путь к освобождению от приевшихся литературных шаблонов, новаторскую форму, прекрасно подходившую для выражения мыслей, чувств, мироощущения человека XIX в., к чему обветшалые старые литературные формы признавались уже неспособными.

Условия для того, чтобы байроновская поэзия нашла у Пушкина отзвук, возникли уже в ссылке, когда он, вырванный из привычного круга общения и остро переживавший «измену» якобы легко с ним расставшихся и сразу его забывших друзей, испытал разочарование в радостях и ценностях столичной жизни, а принудительный отъезд из Петербурга трансформировался в его сознании в им самим желанное добровольное изгнание.

Именно на юге, в период расцвета романтизма в поэзии Пушкина, свобода становится едва ли не основной темой его творчества. Но теперь на первый план выходит идея свободы отдельной романтической личности, а не гражданская или политическая свобода, необходимая всему обществу. Причиной тому служит разочарование в своих прежних идеалах и главное – неверие в возможность их осуществления.

Вольнолюбивые мотивы теперь становятся у Пушкина романтической мечтой о воле, стремлением вырваться из тюрьмы – ведь он сам ощущает себя изгнанником, узником. В стихотворении «Узник» поэт сравнивает себя с «вольной птицей», молодым орлом, который сидит за решеткой и мечтает вырваться на свободу, улететь.

Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер ... да я!..[3]

Так поэт находит романтические символы свободы: то придает ей вид орла, то растворяет ее в «свободной стихии» или среди пейзажей Кавказа. Так или иначе, узник – это он сам.

Во время трехнедельного пребывания в Гурзуфе весной 1820 года Пушкин имел возможность ознакомиться с некоторыми произведениями Байрона при помощи Елены Раевской и ее брата Николая Николаевича Раевского, владевших английским языком. Всего вероятнее, они читали отрывки из «Чайльд-Гарольда» и, видимо, целиком некоторые поэмы «восточного цикла»: «Гяур», «Корсар», возможно, и другие. Затем в Одессе Пушкин читал Байрона по-французски из воронцовской библиотеки. Это и определило влияние «восточных» поэм Байрона на южные поэмы Пушкина, особенно на «Бахчисарайский фонтан». Сам Пушкин признавался в письмах к друзьям: «Бахчисарайский фонтан» слабее «Пленника» и, как он, отзывается чтением Байрона, от которого я тогда с ума сходил»[4]

А. Н. Вульф вспоминал, что Пушкин «в те годы, когда жил здесь, в деревне <в ссылке в Михайловском>, решительно был помешан на Байроне» и «его изучал самым старательным образом»[5]

Общее представление о «байронической» поэзии и ее творце, сформировавшееся у Пушкина в начале и в пик увлечения ею, сохранялось и тогда, когда его собственные опыты в этом роде были уже в прошлом.

Новизна поэм Байрона, разрушивших все каноны эпического жанра, заключалась для Пушкина, как и для его современников, не только в их герое, «мрачном, ненавистном, мучительном характере», но в огромной мере в их форме, прежде всего в их композиции, главная особенность которой определялась, как понимал Пушкин, тем, что Байрон «мало заботился о планах своих произведений, или даже вовсе не думал о них» и «несколько сцен, слабо между собою связанных, были ему достаточны для этой бездны мыслей, чувств и картин.

Сильное впечатление, полученное Пушкиным от «очаровательной, глубокой поэзии Байрона» подвигло Пушкина к собственным опытам в подобном роде, которыми стали так называемые «южные» поэмы (1820–1824): «Кавказский пленник», набросок «Вадим», «Братья разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы». Разрабатывая новый для себя и русской литературы жанр романтической поэмы, Пушкин следует своему образцу в выборе эффектной фабулы и героя, сходного определенными чертами с байроническим, сосредоточивается, по примеру Байрона, на изображении внутреннего мира персонажей, их чувств и страстей, заимствует ряд тем и мотивов, повторяет некоторые сюжетные коллизии, ситуативные положения, позы и жесты действующих лиц. В разной мере использованы в «южных» поэмах композиционные приемы Байрона: фрагментарность повествования, образуемая выделением «вершинных», кульминационных эпизодов, моментов высшего драматического напряжения, с опущением промежуточного действия и событий; неясность, недосказанность биографии героя, необъясненность важных моментов действия, повествовательная недоговоренность и прирастающая из них таинственность.

Но все меняется, и вот уже вслед за Южной ссылкой приходит ссылка в Михайловское, а романтические пейзажи сменяет реалистическое описание красоты природы среднерусской полосы. Не мог не измениться при этом и пушкинский идеал свободы, что находит отражение в его дальнейшем творчестве.

Вопрос о «байронизме» Пушкина имеет длительную непрерывную историю. Он возник в кругу друзей и знакомых Пушкина с появлением «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана» и «Цыган». Для критики 1820-х – начала 1830-х гг. (Вяземский, Н. А. и К. А. Полевые, И. В. Киреевский и др.) влияние Байрона на Пушкина было неоспоримым и в большинстве признавалось плодотворным, имевшим своим результатом освоение русским поэтом новых художественных форм и создание в отечественной литературе жанра романтической поэмы, позволявшего выразить в полную силу настроения, мысли и художественные искания современного поколения. В свою очередь, литературные, политические и другие оппоненты и противники Пушкина (М. С. Воронцов, Ф. В. Булгарин, Н. И. Надеждин и др.) представляли его с целью дискредитации слабым подражателем английского поэта, показавшим себя во всех отношениях беднее и мельче его, не способным создать образы равной силы и величия.

Принимая «байронизм» Пушкина за бесспорный факт, современники поэта уловили вместе с тем и самостоятельный характер тех его произведений, где ощущалось влияние Байрона. Уже в 1824 г. критик М. М. Карниолин-Пинский в рецензии на «Бахчисарайский фонтан» отмечал: «Байрон служил образцом для нашего поэта; но Пушкин подражал, как обыкновенно подражают великие художники: его поэзия самопримерна».[6]

В 1830-е, на фоне существенных изменений в творчестве Пушкина, связанных с его отходом от романтической поэзии, начинается переосмысление его «байронизма», и на первый план выдвигается представление о несходстве основного настроения поэзии Пушкина и Байрона вследствие различия их мировосприятия, обусловленного индивидуальным психическим и творческим складом каждого из них и особенностями преломления в России общеевропейских послереволюционных настроений, получивших

название «мировой скорби». Пушкин — русский Байрон по силе и полноте чувства <...> но более верящий, более примиренный с действительностью и более мудрый.[7]

В. Г. Белинский в своих статьях о Пушкине настойчиво проводил мысль о том, что сравнение Пушкина и Байрона «более чем ложно, ибо трудно найти двух поэтов столь противоположных по своей натуре, а следовательно, и по пафосу своей поэзии». По мнению критика, опиравшегося в своем суждении на В. П. Боткина, «мнимое сходство это вышло из ошибочного понятия о личности Пушкина», чья натура «была внутренняя, созерцательная, художественная», не знавшая, в отличие от Байрона, «мук блаженства, какие бывают следствием страстно-деятельного (а не только созерцательного) увлечения живою могучею мыслию, в жертву которой приносится и жизнь и талант»[8]

Представление о невозможности для Пушкина проникнуться в полную силу байроновским пафосом сменялось взглядом на него как выразителя иной, более глубокой и человеческой идеи, прошедшего в своем творческом развитии неизбежный, плодотворный и необходимый этап «байронизма», но в конечном итоге преодолевшего влияние английского поэта и нашедшего собственный путь. Например, Ф. М. Достоевский, полемизируя в «Дневнике писателя» с распространенным в среде революционно-демократической молодежи мнением, согласно которому А.С.Пушкин и М. Ю. Лермонтов стоят по причине своего «байронизма», ниже Н. А. Некрасова, писал: «Всякий сильный ум и всякое великодушное сердце не могли и у нас тогда миновать байронизма. Да и не по одному лишь сочувствию к Европе и к европейскому человечеству издали, а потому что и у нас, и в России, как раз к тому времени, обозначилось слишком много новых, неразрешенных и мучительных тоже вопросов, и слишком много старых разочарований... Но величие Пушкина, как руководящего гения, состояло именно в том, что он так скоро, и окруженный почти совсем не понимающими его людьми, нашел твердую дорогу...»[9]

Новый подход к изучению проблемы «Пушкина и Байрона» был найден В. М. Жирмунским. Рассматривая «поэзию как искусство, а изучение поэзии — как анализ и интерпретацию художественной формы»[10], понимаемой «как система средств, выражавших ее поэтическое содержание»[11], он сосредоточил внимание исключительно на художественном воздействии поэзии Байрона на поэзию Пушкина и показал, что эффект, ставивший в тупик критиков и ученых и порождавший полярно противоположные оценки, явился результатом взаимопроникновения и взаимотрансформации двух исходно различных художественных систем — байроновской «романтической», накладывавшейся на «классическую», которой по своему творческому складу принадлежал Пушкин.

Байрон подсказывал современную форму повествования, более соответствующую динамичности действительности и разорванному сознанию, чем та форма эпического повествования, развернутого во времени и пространстве, избилующая эпизодами, подвигами героев, которая применена Пушкиным в «Руслане и Людмиле». Эта «байроническая» форма, построенная на обособлении сюжетного пространства, кульминационном драматизме изображаемого события, повышающих лиризм исповедей героев и авторского присутствия, перейдет затем во многие другие произведения Пушкина различных жанров.

И сам Пушкин, и российский академик Жирмунский, и американский профессор Гаррард указывают на определенную связь творчества Пушкина с творчеством Байрона.

С одной стороны, зависимость Пушкина от Байрона была признана самим поэтом и в какой-то мере является непосредственно очевидной для всякого читателя и исследователя, с другой стороны, мы так же непосредственно ощущаем гениальное своеобразие поэзии Пушкина и неохотно соглашаемся признать его зависимость от образцов, боясь тем самым умалить его оригинальность, а обостренное национальное сознание пытается обосновать самобытность и народность русского поэта отрицанием значительности и глубины различных иноземных влияний.

Однако же, несмотря на сходство с поэмами Байрона, мы находим в произведениях Пушкина столько самобытных художественных форм, принадлежащих исключительно этому поэту, такую неподдельную свежесть чувств, такую верность описаний, такую тонкость в замечаниях и естественность в

ходе, такую оригинальность в языке и, наконец, столько национального, чисто русского, что даже в этом периоде его поэзии нельзя назвать его простым подражателем.

Нельзя, однако же, допустить и того, что поэмы Пушкина случайно похожи на поэмы Байрона; что, воспитанные одним веком и, может быть, одинаковыми обстоятельствами, они должны были сойтись и в образе мыслей и в духе поэзии, а следовательно, и в самых формах ее. «Нельзя, говорю я, допустить сего мнения потому, что Пушкин там даже, где он всего более приближается к Байрону, все еще сохраняет столько своего особенного, обнаруживающего природное его направление, что для вникавших в дух обоих поэтов очевидно, что Пушкин не случайно встретился с Байроном, но заимствовал у него или, лучше сказать, невольно подчинился его влиянию. Лира Байрона должна была отозваться в своем веке, быв сама голосом своего века. Одно из двух противоположных направлений нашего времени достигло в ней своего выражения. Мудрено ли, что и для Пушкина она звучала не даром? Хотя, может быть, он уже слишком много уступал ее влиянию и, сохранив более оригинальности, по крайней мере в наружной форме своих поэм, придал бы им еще большее достоинство».[12]

Такое влияние обнаружилось прежде всего в "Кавказском пленнике". Здесь особенно видны те черты сходства с Байроном, которые мы выше заметили; но расположение поэмы доказывает, что она была первым опытом Пушкина в произведениях такого рода. Такое же или, может быть, еще большее сходство с Байроном является в "Бахчисарайском фонтане"; но здесь искуснейшее исполнение доказывает уже большую зрелость поэта.

Таким образом, соприкосновение А.С.Пушкина с творчеством Байрона не были поверхностными и механическими влияниями со стороны. Они были подсказаны Пушкину русским литературным развитием, в котором он участвовал, и русской общественной действительностью, которую он изображал. Включая в русскую литературу лучшее наследие мировой литературы, в частности – английского поэта Джорджа Гордона Байрона, А.С.Пушкин творчески перерабатывает это наследие на основании живого опыта русской современности и русской истории и тем самым понимает русскую литературу на новую небывалую высоту.

Воспользованная литература

1. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин: Пушкин и западные литературы.- Л.: Наука, 1978.- с. 89.
2. Тот же источник. с. 139.
3. Пушкин А.С. Сочинения в трёх томах. Том 1. – М.: Художественная литература, 1985 – с. 288
4. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин: Пушкин и западные литературы. – Л.: Наука, 1978. – с. 215
5. Лотман Ю.М. Пушкин. – Санкт-Петербург.: Искусство-СПб, 2009 – с. 48.
6. Лашкевич А.В Байрон и байронизм в литературном сознании России первой половины XIX в. // Великий романтик: Байрон и мировая литература.- М.: Просвещение, 1991.- с. 123
7. А.С.Пушкин: роман с Европой Открытая лекция Александра Васильевича Труханенко, канд. филол. наук, доцента Дрогобычского государственного педагогического университета им. И. Франко (Львов, Украина), состоялась в ГГПИ 28 октября 2013 г. в рамках Международной конференции «Девятые Короленковские чтения»
8. Белинский В. Г. «А.С. Пушкин. Статья пятая»электронный ресурс <http://ru-poetry.ru/article/2754>
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т.- Л. Художественная литература, 1984.- том 26 с. 114
10. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин: Пушкин и западные литературы.- Л.: Наука, 1978.- с. 68
11. Тот же источник. с. 73
12. Белинский В.Г. Сочинения А.С.Пушкина.- М. Просвещение, 1985.- с. 152.